

От автора

Читатели этой книги встретят в ней десяток вставок, где роман, если я правильно понял, пытается по ходу дела сам себя комментировать. То есть делится своим мнением сам текст, поскольку он, по его утверждению, и является тем набором слов, с помощью которого излагается эта история. Порой он даже позволяет себе высказывать пожелания и делать замечания тому, кто, собственно, и пишет роман. Иначе говоря, текст, получая право голоса, делает это от своего имени и в открытую, что не всегда бывает приятно автору.

Поначалу мне показалось, будто подобное вмешательство можно расценить как незаконное вторжение на мою территорию, мало того, подобные дополнения я счел неприемлемыми и совершенно лишними, поскольку они нарушают плавность и цельность повествования, а значит, и калечат его. Но позднее я изменил свое к ним отношение.

Сознаю, что это прием рискованный. И он, очень вероятно, вызовет недовольство у ряда читателей, особенно у тех любителей романов, которые не переносят никаких сбоев и отступлений в последовательности изложения событий.

ФЕРНАНДО АРАМБУРУ

Мне бы не составило труда выкинуть эти десять фрагментов, хотя, на мой взгляд, их краткость вполне позволяет с ними смириться. Но, несмотря на то что для кого-нибудь они могут стать помехой, а кого-то даже и раздосадовать, сказанное там, думаю, все-таки не лишено важности. Мне кажутся весьма существенными и уместными некоторые мелочи, упущенные рассказчиком, — они добавляют ценные сведения о героях и событиях. Кроме того, вставки представляют собой островки спокойных размышлений, и они просто необходимы в этой истории, которая порой доходит до предела эмоциональной раскаленности.

Однажды я попробовал прочесть текст, пропуская их. И сразу убедился, что отдельные романские линии сразу как будто провисли и утратили цельность. Но чтобы не создавать лишних трудностей для несогласных со мной читателей и дать им возможность, если они пожелают, переключиться через эти вставки, я печатаю их курсивом.

Ганновер, ноябрь 2023 г.

Мальчик

Никасио уже привык ходить на кладбище по четвергам. Почему по четвергам? Трудно объяснить. Любой другой день недели годился бы не меньше. Но должно произойти что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы Никасио нарушил раз и навсегда установленный ритуал. Не важно, идет дождь или дует ураганный ветер, здоров старик или у него не ко времени скрутило спину. Иногда он берет с собой зонт, хотя на небе нет ни облачка, потому что зонт заменяет ему трость: Никасио идет вверх по дороге, медленно передвигая ноги, что-то бормоча себе под нос и натужно дыша, как бывает с людьми, которым всего через пару лет стукнет семьдесят.

Никасио любит птиц. Если увидит какую на ветке, или на крыше, или в небе, непременно остановится, чтобы понаблюдать за ней, определить, какой она породы, или припомнить название; а еще

он пользуется случаем, чтобы перевести дух. Потом довольный идет дальше — до следующей птицы.

Честно сказать, птицами он любителю не всегда. Так как порой настолько погружается в свои мысли или так увлеченно разговаривает сам с собой, что по сторонам не глядит.

Случается, что кто-нибудь из знакомых, увидев его на дороге, останавливает машину и по доброте душевной предлагает подбросить до кладбища или, наоборот, от кладбища до дома, но с каждым разом такие предложения ему делают все реже, поскольку ответ заранее известен. Никасио редко на них соглашается, так как предпочитает одиночество, полное одиночество. Дурачьё! Неужели так трудно понять, что я хочу побыть один?

Обществу людей он предпочитает общество птиц. И мысленно часто повторяет все ту же фразу: неужели так трудно понять, что я хочу побыть один?

Но не только в четверг, а и в другие дни недели, включая воскресенье, Никасио может отправиться на кладбище, чтобы навестить внука. И в таких случаях решение он обычно принимает внезапно. Сидит себе в кресле, слушает радио (допустим), скучает, дремлет, и вдруг на него накатывает тоска. А пойду-ка я, говорит он, проведу Нуко. Так с самого рождения родственники и знакомые ласково называли мальчика. Мариахе, дочка Никасио, возражает: да ведь сегодня еще не четверг! А он отвечает, что это его дело и такие вещи никого, кроме него самого, не касаются.

Если бы он только мог, если бы ему только позволили, он поставил бы прямо под кладбищенским забором палатку, поселился бы там и по целым неделям не возвращался в Ортуэлью: питался бы корешками и дикими фруктами, пил дождевую воду или собирал капли росы. На войне он и не такое пережил, да и потом, в голодное время, тоже. А где недели, там и месяцы, где месяцы, там и годы, которые ему еще отпущены судьбой. Никасио все просчитал. Беда лишь в том, что Мариахе ему этого ни за что не позволит, а он не хочет ее огорчать. Она ведь из кожи вон лезет ради отца!

Еще несколько секунд — и воздушный корабль летит уже над вершинами гор Триано, а потом пропадает в брюхе черной тучи. Где же он? Этот вопрос шепотом задают друг другу все, кто смотрел на самолет, в котором летят пятьдесят детей и которым управляет их учительница. В роли второго пилота выступает учитель из той же школы, он сидит рядом с ней, а школьная повариха снует по проходу между кресел в качестве стюардессы. Она заботится о малышах, гладит их по головке и поет песенки, которые помнит с детства. Но все они мертвые. Поэтому ведут себя тихо, молчат, застыв с открытыми глазами, не моргая. А для Никасио разговоры тех, кто стоит с ним рядом, — нож в сердце. Их комментарии кажутся старику бездушными и лживыми — такую чушь способны нести лишь люди, не пережившие и половины того, что довелось пережить ему. Его душит злоба, и, чтобы

понапрасну ни с кем не ссориться, он уходит домой. Ворчливо поднимается по лестнице, а войдя в квартиру, дает выход своему гневу и ругается уже в полный голос. Потом залпом выпивает пару стаканов вина из большой оплетенной бутылки, которая хранится за дверцей под раковиной. Но едва на пороге появляется Мариахе, старик кидается к ней, хватая за плечи и повторяет, опять и опять повторяет, что их мальчика в том самолете не было. Он насчитал сорок девять детских головок, рассмотрел все лица одно за другим, внимательно изучил список пассажиров и убедился, что Нуко не поднимался на борт проклятой машины. Потом Никасио добавляет: дочка, только не слушай всей этой пустой болтовни. У нас в городе живет много брехунов. Наш Нуко не полетел туда, откуда нет возврата. Я это знаю наверняка. Только я один и знаю. Поздно уже, говорит Мариахе, опустив голову и словно разглядывая носки своих туфель. Поздно? Да ведь сейчас только начало первого, и мы еще даже не поели. Послушай, отец, в это время ты уже должен спать. Скажи, дочка, а ты больше не будешь слушать их глупые разговоры? Постараюсь, но обещать тебе ничего не могу.

Про Хосе Мигеля, царствие ему небесное, я могу вам сказать только хорошее, и не потому, что хотела бы задним числом представить нашу с ним жизнь как идиллию. Нет, при всем моем к нему уважении, муж не был человеком, которого легко идеализировать. И как мне кажется, для книги, которую вы сейчас пишете, куда интересней был бы какой-нибудь убийца, или злодей, или грабитель банков — короче, такой тип, чьи преступления будят любопытство и приводят читателей в трепет — назовите это как вам угодно.

Я совершенно искренне вам говорю, что не отношусь к числу вдов, которые рисуют свое прошлое исключительно в розовом свете, не желая признать, что в нем были семейные неурядицы, прячут неприятные воспоминания глубоко в душе или стараются начисто стереть из памяти. А у меня нет поводов что-то из нее стирать. Я часто вспоминаю годы нашей

семейной жизни, и при этом в моей душе не всплывает ни капли обиды, ни грамма горечи. Если не верите, поезжайте в Баракальдо и спросите у моей подруги Гарбинье. Она мои слова подтвердит.

Прошло уже много лет, и со временем я убедилась, что была тогда вовсе не такой несчастной, как мне порой думалось, если, конечно, годы и забывчивость, которая потихоньку поселилась у меня в голове, все там уже не смешали. Ведь и такое тоже случается. Жизнь потеряла для меня всякий смысл в мгновение ока — по причине, которую вы знаете, но еще и по другим причинам, которые вам вряд ли будут интересны, однако я не сломалась, я продолжаю жить и дышать, не жалею на здоровье и коротаю свой век тихо и спокойно, от всего отгородившись. Говорю это вовсе не для того, чтобы похвалиться своей стойкостью и мужеством. Если в самые тяжелые часы я не тронулась умом и не рухнула в беспросветную депрессию, то только благодаря любви, которой старался окружить меня муж, хотя он, бедняга, и был страшно неловким во всем, что касалось проявления чувств; а еще благодаря отцу, потому что он — мой отец и потому что ему без меня было бы не обойтись. Из-за него я порой забывала про свое горе или отодвигала свои печали на потом, и еще на потом. Кроме того, одно время утешение давала мне религия — правда, не знаю, насколько оно было глубоким.